Бурцев Владимир Ефимович
родился 25.08.1955
во Львове Украинской ССР

В моем представлении военная профессия спецпропагандиста ассоциировалась с эпизодом из кинофильма «В зоне особого внимания», когда в усмерть уставшим, голодным, промокшим до нитки десантникам через мощные «матюгальники» предлагают всевозможные «какаво с кофем» и другие блага цивилизации взамен на статус «Павликов Морозовых» или, что, практически, одно и тоже, на статус «Мальчишей-Плохишей».

Бурцев смеется.

Авторское отступление.

Владимир Бурцев, гвардии подполковник в отставке — мой давнишний, если и не близкий приятель, то давнишний хороший знакомый Володька Бурцев, с которым неоднократно участвовали во всевозможных мероприятиях и переделках — в 1979 году окончил Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище. С августа 1979 по 1983 год — начальник клуба в отдельном полку связи, что в Медвежьих Озерах. С 1983 по январь 1988 года, с сентября 1989 по январь 1999 года и с 2000 по 13 апреля 2001 года (дата увольнения из рядов Российской Армии) проходил службу на различных должностях в частях 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

За год и три месяца пребывания в Афганистане Бурцев был награжден орденом Красной Звезды и орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Вот тебе — и спецпропаганда, вот тебе — и спецпропагандист 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

— Награды за мою,— Владимир на секунду задумывается, подбирая нужные слова,— за мою работу, вернее, за мой труд, военный труд.

Я бы еще добавил — за тяжелый, на грани фола, запредельный труд военного спецпропагандиста. Из рассказов Бурцева я быстро уяснил, что его профессия очень и даже, слишком очень отличается от моего представления, полученного после просмотра вышеуказанного кинофильма.

Представьте себе, что нашим войскам для выполнения боевой задачи нужно совершить рейд по территории, контролируемой вроде бы нейтральными моджахедами. Да, сегодня они проявляют, якобы, лояльность к советским войска, а — завтра? А завтра (восток-то — дело тонкое, Петруха, не зря говаривал товарищ Сухов) от этих самых «духов» можно ждать любую подлянку. И, чтобы не случилось этой самой подлянки, спецпропагандист Бурцев накануне операции встречался со старейшинами селений, с командирами отрядов, договариваясь о временном перемирии, о нейтралитете. Все семь раз — каждый случай Владимир помнит до мельчайших подробностей — подобных «мероприятий», когда нашим войскам Бурцев обеспечивал «зеленую улицу», ни одной осечки, ни одного «экса» не происходило.

— Другие войска,— Бурцев под «другими» войсками подразумевает не десантуру,— не пользовались таким авторитетом у противника и, порой, попадали в переделки. На наши условия на таких встречах старейшины и командиры соглашались не задумываясь — знали не понаслышке, что десант всегда держит слово.

Кроме этих семи, можно сказать масштабных переговоров, он бессчетное количество раз участвовал в переговорах, как сам отмечает, «не отходя от КПП», в близлежащей «зеленке», получая нужную информацию от «засланных казачков». В той самой «зеленке», в которой двоих солдат — среди врагов не разевай «дувало» — захватили в плен «духи».

— Через трое суток вернули в целости и сохранности,— поясняет Бурцев.— Вернули, естественно, не задаром — пришлось немало поработать с местным населением и в конечном итоге выставить «на кон» семь мешков гречки и ящик ручных гранат. А куда денешься-то — жизнь наших солдат дороже.

Авторское отступление.

На задания Бурцев обычно ходил с переводчиком, хотя до Афганистана целый год в специальном учебном заведении до умопомрачения денно и нощно изучал, учил, зубрил (как кому нравится) язык ДАРИ. Попутно штудируя военно-политическую географию, религию, обычаи, экономику и т. д., и т. п. Афганистана и сопредельных стран. А переводчик был нужен для того, чтобы помогал разобраться в местных диалектах и других нюансах чужого языка.

В феврале 1989 года 345-й полк вывели в Кировабад, а в апреле полк в составе других сил был срочно переброшен для тушения «пожара» в Тбилиси.

— Чего только не наговаривали на нас эти «храбрые портняжки из Тбилисо».— Бурцев ехидно улыбается.— Надо же, «солдат-десантник гнался с саперной лопаткой за старушкой три километра». Это заявление равносильно, а может даже и круче, жеванию галстука известным лицом. С самого начала я был с солдатами в самой гуще событий — да, дай нам команду «Фас!» и никого бы рядом не стояло без всяких там лопаток.

Своим третьим орденом — орденом «За личное мужество» — Бурцев был награжден за участие в миротворческой миссии в Северной Осетии в конце 1993 года. Занимая должность то ли психолога, то ли еще какую-то по работе с личным составом в 51-ом полку, он спешно был вызван заместителем командира дивизии гвардии полковником Савиловым в штаб дивизии (как будто в штабе не было своих «политработников» — пруд пруди) для усиления группы управления сводным полком, убывающего на Северный Кавказ.

— С Чечней тогда еще не было конфликта, но однажды на границе Ингушетии и Чечни дудаевцы захватили нашего офицера и группу солдат. Не дожидаясь приказа — в этом подразделении я был старший политработник (так еще нас тогда называли) — я побежал с полотенцем, вроде как с белым флагом парламентария в расположение дудаевцев. Надо сказать, что их командира я прекрасно знал — наши подраз-

деления стояли по обе стороны границы, и мы часто с ним переговаривались «за жизнь». Подхожу к нему с полотенцем на плече и с глубоко засунутыми в карманы брюк руками и выпаливаю: «Только не тронь моих рук — в них гранаты с выдернутой чекой». Он ошалело уставился на меня и произносит: «Ты, мол, что — дурак?». Так и просидел четыре часа с руками в карманах с ним за столом, пока не привели захваченных. Всех отдали, но автоматы присвоили себе. И на том — спасибо. Но руки затекли ужасно — как раки вареные стали. Да, после этого моего самоуправства я от Савилова — царство ему Небесное — получил жутчайший нагоняй. Тем не менее, он и подписывал мне наградной лист.

Четвертый орден — орден «Мужества» — за Чечню, за первую Чеченскую войну в начале 1995 года.

— За Югославию еще имеется НАТОвская медаль.— Подводит черту нашему разговору мой давнишний приятель Володька Бурцев.— Ну, само собой разумеющееся, всякие юбилейные и все три «песочные» медали.